

Виктор Пелевин

Свет горизонта

ФТМ

Дима и Митя

Виктор Пелевин

Свет горизонта

«ФТМ»

2004

Пелевин В. О.

Свет горизонта / В. О. Пелевин — «ФТМ», 2004 — (Дима и Митя)

ISBN 978-5-457-09555-7

«Мир состоял из двух пересекающихся под прямым углом плоскостей, и сначала было неясно, какую из них считать вертикальной, а какую горизонтальной, – все зависело от положения наблюдателя и его личной гравитационной ориентации. На первой плоскости сидели два серебристо-серых мотылька. По другой медленно двигалось что-то темно-коричневое, как бы состоящее из двух частей. Сначала оно было слишком далеко, чтобы про него можно было сказать что-то определенное...»

ISBN 978-5-457-09555-7

© Пелевин В. О., 2004

© ФТМ, 2004

Виктор Олегович Пелевин

Свет горизонта

(А) Ввиду беспредельности знания остается очень немногое из того, что еще должно быть познано, например, светлячок в бесконечном пространстве.

«Йога-сутра» Патанджали

Мир состоял из двух пересекающихся под прямым углом плоскостей, и сначала было неясно, какую из них считать вертикальной, а какую горизонтальной, – все зависело от положения наблюдателя и его личной гравитационной ориентации. На первой плоскости сидели два серебристо-серых мотылька. По другой медленно двигалось что-то темно-коричневое, как бы состоящее из двух частей. Сначала оно было слишком далеко, чтобы про него можно было сказать что-то определенное. Потом оно приблизилось, и стал виден жук-навозник. Тогда стало ясно, что поверхность, по которой он перемещается, – это пол: даже если бы сам жук мог ползти по стене, держась на каких-нибудь присосках, навозный шар, который он толкал перед собой, сразу упал бы. Поэтому та плоскость, на которой сидели два мотылька, несомненно, была стеной.

– Погляди на него, – сказал один мотылек другому. – Что ты видишь?

Второй мотылек внимательно взгляделся в коричневый шар.

– Его дочь учит испанский язык, – сказал он, – и это довольно дорого обходится их семье. Он хочет ехать отдыхать в Хургаду и только что пережил серьезный домашний скандал по этому поводу... А сейчас он думает о шляпе из пальмового листа, которая висит в комнате у его дочери. Причем по какой-то причине он настолько погружен в мысли об этой шляпе, что я вижу ее во всех подробностях, как на снимке с хорошим разрешением. Вот и все. Я имею в виду, все его особенности.

– Неплохо, – сказал первый мотылек. – Но я говорю не про его шар. Я говорю про него самого. Погляди на его голову.

– Ага, – сказал второй мотылек. – Вижу. Маленькое зеркальце, как у отоларинголога. Я никогда раньше не замечал, что у скарабеев такие на голове. Как оно называется?

– Оно не называется никак.

– То есть?

– Имена всему дают скарабеи. Но никто из скарабеев даже не догадывается об этом зеркальце на собственной голове.

– У него совсем нет имени?

– Совсем. И не только у него. Имени нет ни у одного предмета. И ни у одного насекомого. И ни у одного животного. Имена есть только у скарабеев.

– Тебя зовут Дима. А меня Митя. Разве это не наши имена?

– Так нас звали, когда мы были жуками-навозниками. Теперь нас не зовут никак.

– Хорошо, но ведь можно, например, сказать, что ты ночной мотылек? Это ведь тоже имя?

– Даже если скарабей называет одно насекомое ночным мотыльком, другое – мухой, а третье – комаром, это все равно его собственные имена. Ни одно существо, которому навозники дали имя, даже не подозревает об этом.

Митя задумался.

– А собаки? Или кошки? Они же узнают свое имя, когда их позовешь?

– Ничего подобного. Они не знают, что это имя. Для собаки это просто звук, после которого ей дадут поест. Хотя я слышал и такую точку зрения: якобы самые умные из собак полагают, что скарабей, подзывающий их к себе, выкрикивает свои собственные имена.

Самые продвинутые собаки подозревают, что скарабею стало одиноко и страшно после того, как он дал себе имя, и он все время зовет на помощь. Поэтому, чтобы объяснить ему, что они с ним, несмотря ни на что, собаки отвечают ему громким сочувственным лаем...

– А почему скараabei дают имена всему, что видят?

– Кто тебе сказал, что они дают имена всему, что видят?

– Ты. Только что.

– Нет, я этого не говорил. Скараabei не дают имена тому, что видят. Все совсем наоборот – они видят только имена, которые они всему дают. Вот, например, эти цветы на подоконнике. Или этот закат за стеклом. Что это такое на самом деле, не знает никто. Но скараabei научили нас вынимать свою коллекцию бирок и сверяться с надписями на них до тех пор, пока не выпадут слова «цветы» и «закат».

– Допустим, – сказал Митя. – Но ведь бирки всегда вешаются на что-то. На что мы их вешаем?

– Хороший вопрос... Тебе случалось в детстве шарить биноклем по чужим окнам в поисках бесплатного стриптиза?

– А какое это имеет...

– Самое прямое. Случалось?

– Было дело.

– Тогда ты, видимо, знаешь, с какой охотой ум принимает за ожидаемое все, что угодно, – то таз, висющий на стене, то край ковра, то подушку, то складку одеяла. Был такой писатель Набоков, который замечательно описал этот процесс применительно к ярлыку «нимфетка», который он сам же и выдумал. Но если мы начнем выяснять, на что вешается этот ярлык, мы каждый раз будем упираться в другую бирку – «одеяло», «таз», «подушка», «локоть одинокого курильщика» и так далее. Начнем искать, на чем висят другие бирки – упремся в новые, и так до бесконечности. В этом пространстве ярлыков и бирок все похоже на примечание к другому примечанию, все опирается друг на друга, как этажи вавилонской башни, уходящей в дурную бесконечность. Если ты попытаешься найти фундамент, на котором стоит эта башня, или слово, к которому было сделано самое первое примечание, ты не сможешь этого сделать.

– Хорошо. На что вешаются бирки, понятно. То есть понятно, что это в принципе непонятно. Но ведь «скарабей» – это тоже ярлык. А ярлык, как я понимаю, не способен ничего увидеть. Кто тогда глядит на все это?

– В это трудно поверить, но нет никого, кто на это глядел бы. Все ярлыки и бирки просто отражаются в том самом зеркале, у которого нет названия. Скарабей ничего не в состоянии увидеть, потому что он сам – просто ярлык, которым обозначается отражение навозного шара. И вся жизнь, которая была дана для того, чтобы понять, что же он такое на самом деле, уходит у него на транспортировку этого шара из ниоткуда в никуда. Причем даже не самого шара, а его отражения. Ужас...

– Почему из ниоткуда в никуда?

– То, откуда он его катит, и то, куда он его катит, – просто ярлыки, прилипшие к навозу. Когда зеркало убирают, они исчезают, потому что им больше не в чем отражаться. Тогда выясняется, что их на самом деле никогда не было. Но, к сожалению, узнать это уже некому.

– А разве само зеркало не может это узнать?

– Оно и так все знает.

– Что, все-все?

– Или ничего-ничего. В зависимости от того, какой ярлык перед ним лежит – «все» или «ничего». Ты становишься скарабеем, когда решаешь, что ты – это навозный шар, отражение которого ты видишь. Точно так же ты становишься светлячком каждый раз, когда хоть на секунду понимаешь, что ты не отражение, а само зеркало.

– Значит, я уже стал светлячком? Раз я это понял?

– Пока что ты просто положил перед зеркалом ярлык с надписью «зеркало», который иногда отражается в нем вместо навозного шара. Это еще не означает стать зеркалом. Любой ярлык, даже самый красивый, – это часть навозного шара. Если даже кажется, что он существует сам по себе, это иллюзия. Он просто отражение.

– Подожди. Если все, что бывает, – это просто отражение, что же тогда отражается?

Дима пожал плечами.

– Бирки.

– А откуда они берутся?

– Из навозного шара.

– А откуда берется этот шар?

– Из зеркала. Он просто отражение.

– Получается замкнутый круг.

Дима засмеялся.

– Я вспомнил одну историю, – сказал он. – В начале прошлого века в городе Витебске жил один каббалист, который полностью проник в суть вещей. Он понял глубочайшую тайну мироздания. И изложил свое тайное учение о главном в короткой мистической притче, которую замаскировал под еврейский анекдот, потому что в бурном двадцатом веке это был единственный путь передать высшее знание потомкам. Анекдот звучал так: «Рабинович, где вы берете деньги?» – «В тумбочке». – «А кто их кладет в тумбочку?» – «Моя жена». – «А кто их дает вашей жене?» – «Я». – «Так где вы берете деньги?» – «В тумбочке». Эта великая притча дошла до нас в сохранности. Но, к сожалению, погибли все, кто мог бы раскрыть ее тайный смысл.

– Кроме тебя.

– Каббалисты называют это «тумбочкой Рабиновича», буддисты – сансарой, а мы, ночные мотыльки, – навозным шаром скарабея, – сказал Дима. – У всех есть для этого какое-нибудь название. Но суть не в названиях, потому что все они просто ярлыки. Суть в том, где возникает отражение всех этих ярлыков. Мы называем это зеркалом. «Зеркало», как я сказал, это тоже ярлык. Но несколько особенный. Его не на что повесить.

– Что это значит?

– То, на что он указывает, нельзя ни увидеть, ни потрогать. О существовании зеркала можно догадаться только по тому, что в нем все время появляются отражения. Его природа в том, что, кроме отражений, там ничего нет – ни стекла, ни полированного металла. Вообще ничего такого, что можно было бы обнаружить, сколько ни ищи. Вот это и есть наше настоящее «я».

– А можно как-нибудь сформулировать, что оно представляет собой на самом деле?

– «Оно», «самое дело», «представлять собой» – это ярлыки, простые и сложные. Когда они прилипают друг к другу и среди них оказывается ярлык «я», возникает тот мир, в котором ты на что-то надеешься и чего-то боишься. Мир, в котором ты видишь вокруг себя только ярлыки.

– И еще скарабеев вокруг, – пробормотал Митя.

Скарабей уже уползал. Митя посмотрел на его шар и понял, что скарабей видит в эту секунду то же самое, что он сам, – детскую комнату, увешанную плакатами каких-то музыкантов, письменный стол, сидящую за ним девочку в желтом ситцевом платье, цветы на подоконнике и закат за окном.

В этом закате было что-то тревожное.

Красный шар солнца, приближавшийся к линии крыш, двигался с неправдоподобной скоростью, словно это было ядро огромной пушки, раскалившееся от трения о воздух, или

сорвавшийся с неба шар самого главного из скарабеев. Это ядро обрушилось за горизонт, и скоро последняя полоска огня растаяла в небе.

Тогда линия, разделявшая небо и город, стала подниматься вверх. Сначала Митя решил, что над горизонтом появилась туча, принесенная западным ветром. Но это было что-то другое, больше похожее на цунами из фильма о мировой катастрофе.

Волна приближалась в устрашающей тишине – в мире стихли все звуки, птицы на бульваре перестали петь, и даже шум машин больше не был слышен. Митя понял, что волна состоит не из воды. Это был какой-то поток серой мглы. Сумерки, которые стеной приближались с запада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.